

ВАМ И О ВАС, ЛЮДИ ЗЕМЛИ

СУДЬБА, ОЗАРЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

Л. ДАВИДОВИЧ,

заслуженная артистка республики, лауреат Государственной премии БССР

МОЕ ПЕРВОЕ сценическое исполнение состоялось в конце 1939 года. Я смутно помню свой «дебют», потому что он состоялся на третьем году моей жизни. Но рассказы близких, это было так: в Гродно, как и во всей Западной Белоруссии, только что воссоединеной с Советским Союзом, проходили первые свободные выборы. Они былины во всеобщем движении: на улицах и площадях импровизированные концерты, народные гуляния. И вот каким-то образом я очутилась в центре тесно связанных кругов, под аккомпанемент барабана стала отплясывать польку. Одно мне запомнилось четко — аплодисменты и еще куклы. Ее мне подарили росый, опоясанный хрустящим ремнем краснокаменец. Сейчас эта история воспринимается мною как символ, как добрый знак решительных, огромных перемен в судьбе моего поколения.

С тех пор переполнены многие страницы моей творческой биографии... Ганна Чернушина из романа-автобиографии И. Мележа «Люди из болот». Я говорю о ней всегда «моей Гани», потому что с нею связана целая глава актерской жизни. Работая над образом молодой белорусской селянки, «вычищалась» в ее непростую и опасную всему горячу судьбу. Я очутилась, как удивительно соединившаяся мое с ее душевным миром. Ганка словно бы посыпалась какую-то важную страницу моей собственной судьбы — и у нее, и у меня все настоещее и подлинное началось с приходом новой доли, озарено немеркующим светом Октября. Мне не пришлось пережить горькую бединскую судьбину, но я вспомнила мать, ее рассказы о батрачестве, о тех унизительных мятежах, которые она вынесла в молодые годы, пытаясь защитить себя и детей в равнодушном, честном мире собственников. И невольно ожили скорбные мамины интонации, ее испуганно-хлопотливые

движения, жесты, что сохранились оттуда — из бесприданной молодости как неистребимый отпечаток пережитого.

Мон Ганна не могла, конечно, оставаться в прошлом — советская новь поднимала ее, горемечную и забытую, возвращала ей искусство, человеческое достоинство,ажды счастья. Я старалась проследить, как в моей героне крепнет свободная личность, уходит рабская приниженность. Эрнест верит: Ганна завоюет свое право на любовь, на жизнь, сознательную и творческую, она станет в один ряд со строителями нового мира.

Нас, актеров, волнует каждая встреча со зрителями залом. Сможет ли мы сказать людям что-то важное, волнующее их. Это чувство ответственности у каждого из нас особенно обострило сейчас, в этот пасманный важными историческими событиями год — год ленинского юбилея, время, предшествующее партийному съезду.

У меня год этот еще и потому особенный, что мне вручили недавно партийный билет. Чем мы, актеры, можем ответить на призыв партии? Наша большая активной общественной работой, конечно, без этого не представляю свою жизнь, но главное — это то, что мы скажем людям со сцены, глазное — это наш спектакль.

Я испытываю стойкое непримиримое, «головное» роде: что могут сказать такие персонажи нашею молодому современнику? Лиши в атмосфере созидающего труда утверждается и проще проявляется в человеке новое, коммунистическое. И нет большей радости, как видеть перенесение зрителей, чувствовать их трепетное внимание, разить в душах величайшее чувство Революции.

МИНСК.

ЭТО БЫЛО В СЕРДЦЕ МОЕМ!

Аскад МУХТАР, писатель, драматург

ЕСТЬ у нас в республике добродетель традиций — ежедневно публикуют в газетах подборку сюжетов о ходе сбора хлопка по областям и районам. В эту пору мал и стар, дехханы и горожане — все начинают свой рабочий день, изучением волниющих шифр с колхозных полей. От этого зависит настроение всех в деревне и городе.

Интересно наблюдать, как сбор хлопка, особенно в страдные осенние дни, превращается всенародное дело. Радостно чувствовать себя участником великого дела, членом сильного народа. В самом деле: Это было с боями...

...и страной, Или в сердце было в моем. Так четко определил В. Маяковский это благородное человеческое чувство.

В КАИНУ ПРАЗДНИКА — дногоря нашего Октября — по-праздничному и хочу сказать: нет, по-хорошему, большого счастья для человека, как чувствовать, что ждет тебя рабочее место, нет большего счастья, как окунуться в будущую жизнь, в работу, нужную для людей. И чем больше и труднее твоя работа, тем кротче твое удовлетворение. Никогда не поверю, что легкий труд может привести к истинное и глубокое познание своего места в жизни.

Может, кто прочитает эти слова и подумает: праздник у людей, а она, знаешь, все про работу да про работу. А я не просто про работу — я про самое высокое, про самое главное, что есть у всех нас.

Не так давно мне довелось с моими товарищами из деревни Саметы, что под Костромой, в также работниками государственного племзавода «Карловского» выступать на страницах «Советской культуры» с обращением к художникам: что если бы вам, товарищи художники, подготовили большую выставку картин, которые говорили бы о нас, о людях села, о тружениках, работающих на земле? Такая выставка с интересом будет встречена всеми народом — ведь заботой партии, трудом земледельцев деревни нашей у нас страны на виду. Об этом мы и начали и говорить. Мы сказали на газете: нам было предложено читать как горячо, как свое кровное дело признано наше предложение художников по всем страницам.

Значит, нам пришлося прийти на добрую почту. Значит, единое так и не желало — чтобы вскуситься с полной силой вздохнуло за такую работу, которая принесла бы радость и народу, и самим художникам. И тем более желание это отчаянно, тем более настоятельно требует своего осуществления идея выставки «Земли и люди», которая должна пронизовать во славу тружеников села, что близок след: Коммунистической партии, в вся нашей стране, весь народ идет к счастью как к большому отечественному русбуку труда.

Короче прослушину, знают время дни, пожалуйновастили и нам сюрприз: а мы уже обойдемся какими-то машинами и приборами, здесь производится первичная обработка хлопка.

За стеклянной перегородкой — большой светлый зал, сверкающие белизнами и интуициями машины и приборы, здесь производится первичная обработка хлопка.

Видимо, все делали, у них и трактор никогда не ломался. А потом на ферму пришла работать.

Возня сценоложки Юлия Андреевы. Проподала мужа на фронт, а потом прозрачная совсем стала. А я работа, только заросший картофель, она уже обойдется какими-то машинами, лучшая транспортная серпомахина для подсушки. Как ни трудно было, виду не поддавалась.

И вот пишу я эти строки, и проходит перед моим мозгом увидеть, какими-то машинами обработано на ферме, скот какой, что его со всех мест привозят, и нам смотрят. Всего лишь добились сами, своими руками. Наша Самета во все годы шла впереди. Кто трудится, тот через все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Теперь у нас машины обработано на ферме, скот какой?

— А помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки так и болят, а ведь еще и доить надо. Особенно ночью — ломота начиняется, места себе не находишь...

Помнишь, — скажет София, какая у нас была ферма? Воду везли в бочке. Бывало, заморой все обладает, ложешки еле тянет сажи с бояком. Таскаешь ведра — до шестидесяти ведер и более в день таскаешь: к вечеру руки

В.И. ЛЕНИН не раз напоминал о том, что в каждой антигностической формации имеются две культуры — антинародная по своей сущности культура эксплуататоров и демократическая культура, выражавшая устремления и чаяния народных масс.

1970 год — год столетия со дня рождения В.И. Ленина — был ознаменован особой остройностью в области идеологической борьбы, разгоревшейся как в областях так называемой «чистой теории», так и на экранах кинематографа, в эротических запахах, картинах и т.д.

Какие только уловки не придумывали буржуазные теоретики, чтобы опровергнуть истинность ленинского учения! Сегодня нельзя, как это было два-три десятилетия назад, призывать к «прямому отбрасыванию социализма», то есть к войне против социалистической системы государства. Поэтому в типичных кабинетах одна за другой выставляют ходячими грибами «концепции», проповедующими «мирный синтез», «существование буржуазной и социалистической культуры», «единство культуры» и так далее.

А пресловутая «теория конвергенции» и примыкающая к ней «теория наследования» это ли не подлинно мизантропский маневр романтиков, направленный на разложение интеллигии? Это ли не показатель событий весны и лета 1968 года в Чехословакии, где международные революции делали ставку путем этих «мостов» завербовать в первую очередь творческую и художественную интеллигию?

В работах прогрессивных философов и искусствоведов в наши дни нередко можно встретить термин «сервильзм». Имея первоосновой латинское слово «servus» — раб-

этот термин как нельзя лучше определяет направленность буржуазной прессы и критики. Раздувая в первую очередь миф об капитальности искусства, эта критика практически призывает художников к самоизоляции от окружающей его жизни. Одни из недавних примеров тому — освещение известным британским искусствоведческим журналом «Студио Интернациональ» отказа художников — в качестве протеста против политики США в Камбодже и Вьетнаме — от участия в последней выставке Соединенных Штатов Америки. Свой отлив они наложили с письмами к руководителю организации «Международная программа искусства Соединенных Штатов», господу Либесникману; вместе с Эдмундом Юнкером, одним из инициаторов этой акции, письмо подписали еще двадцать пять художников. О создании ими «Чрезвычайного комитета по вопросам культуры», о блогардной борбе художников и им сопутствующих рассказывал читателям «Советской культуры» в своем комментарии старейшего американского журналиста Эстер Шнайде («СК» № 74 от 23. V. 70).

А вот Бет Коффелт из «Студио Интернациональ» (июль—август 1970 г.) излагает тот же самый факт с позиций откровенного «сервильзма». В пространном и путьном комментарии, демагогически манипулируя ссылками на якобы истинных источники, автор сообщает, что американские художники, мол, и не знали, что их ждет официальное приглашение участвовать в Бишкеке.

Других тенденций буржуазной критики и прессы — этически совершенно отличных по форме, но одинаковых в своих конечных целях — представят художника как перманентного «бунтаря-одиночку», всегда и везде призывающего якобы к непрерывному любых устю. Но этой природе художника является авантюристом. Он враг власти, всего установленного, — заявят, например, недавно небезызвестный чехословакский эмигрант А. Лин в интервью, опубликованном в «Энзен литере», Кла-

вентике и рингете, этот «адвокат» в том же интервью излагает свою «концепцию» относительно происхождения культуры на трон, поклонный политицизм, концепции взрывчатки общества социализма.

«С кем бы, мастеру культуры?» Вопрос-предмет, который созидатель демократической культуры становится все частнее мастеров, отдающих свой талант борбе за интересы эксплуатируемых. Художники Антон Герман и Джек Николсон из США, драматурги Артуро Куссман из Аргентины и Юзеф Шахин из ФРГ и многие, многие другие... Всем спасибо тем, кто сказал свою судьбу в творческом скансе с прогрессивным движением современности, с борьбой народов, демократии, справедливости.

Нет такой острой проблемы в области общественных отношений и международной политики, на которую не откликались бы те, великая бытвы за прогресс. Всё, развязанные американской военщиной на землях государств Юго-Восточной Азии, Аргессы израильских израильтян, Ракки, Геноцид Неконкордии, Апартейд... Разве может честный художник сегодня находиться «под скаткой»! Вот потому-то Чикаго молодой художник Марк Роговин вместе с жителями этого гетто создает на Флориде однажды фестиваль солидарности белых и черных граждан. — Звучит на митингах протеста голос метрополитской певицы Лены Хорн, призывающей к единению всех прогрессивных сил на борьбу против расизма.

Сегодня мы рассказываем нашим читателям о судьбах и творчестве лишь нескольких из тех, кто вынес свое искусство на линию огня в борьбе за прогресс.



«Американским базам — нет!»

Гравюра художника из коллекции Мастерской народной графики, была создана в содружестве с художниками из различных стран, спасенные от нацистской оккупации. Тогда же сыграла роль Советская Армия, исканди новых путей. Родились и крепла система социалистических стран, детища побед рабочего класса и его элиты — коммунистических партий.

Однако монополистический капитализм, монополией могущий исторический процесс — становление новых, независимых государств. Ведь это подтверждено угрозой их далеко идущими экспансионистскими планами.

Создание баз на чужой территории — одна из мер в реализации этих планов, и сегодня в Омане и Роте, во многих других уголках планеты — всюду, где направлена агрессия народов, убранятся дядоны!»



Эта выразительная картина американского художника Дэниела Ставера (опубликована она была в журнале «Эскуриал») воспроизводит одну из эпизодов борьбы за свободу в городе Вашингтоне, когда представители одного из самых угнетаемых меньшинств в Америке — индейцев — пытались овладеть двумя форты, расположеннымми на окраине города и отнятой у них правительством землей.

Вместе с индейцами на штурм одной из этих баз шла американская киноактриса Джейн Фонда, посвятившая себя антивietнамскому движению в Америке и борьбе американских индейцев за свои права, свободу, культуру.

В то время атака на форты индейцы хотели превратить их в культурные и религиозные центры борьбы за власть, подчиняясь штатам национальной гвардии и демократической партии. Многие из индейцев были арестованы (в числе их и антисоветов). Получили увечья и ранения. Но их решимость продолжить борьбу до победного конца не была сломлена террором властей.

Об успехе этой борьбы свидетельствуют все новые и новые выступления коренных народов Северной Америки и их первые победы на пути к свободе, равноправию.



Арабский Восток по-прежнему остается в эти дни одной из самых горячих точек планеты. Израильские эсминцы, изнаружившие израильские подводные лодки, проводят удачные посты своих боевых арабских земель.

В борьбе всех арабских народов против лихачества последней израильской агрессии 1967 года антиправительственные участники принимают деятелей арабской культуры и искусства. Актеры и режиссеры, художники и композиторы, писатели и писательницы, письменники израильской нации, сплошь и рядом передышки израильской агрессии. Перед взорами глазами с жертвами этого гетто создает на Флориде однажды фестиваль солидарности белых и черных гражданов. «Ночь — Северная Африка», призывающая к единению всех прогрессивных сил на борьбу против расизма.

«ЛАОС, СПАСЕННЫЕ КАДРЫ»...

Долгое время мы упорно пытались связаться из редакции с автором, названным фильмом, известной французской журналисткой Мадлен РИФФО. В итоге она вновь уехала из Франции туда, где требуется ее оружие — талант публициста-коммуниста. По нашей просьбе в фильме Мадлен Риффо рассказывает корреспондент ТАСС во Франции Роберт СЕРЕБРЕННИКОВ.

В ЕНСЕНСКИЙ ЛЕС. Десятки тысяч французов побывали здесь в дни праздника боевой газеты коммунистов Франции «Юнанти». Одним из самых оживленных мест этого праздника был так называемый международный горячек, где находились стенды народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Сегодня Енсенс снова стал местом волнившей манифестиации солидарности с народами Юго-Восточной Азии, борющимися против американской агрессии, за свою свободу и независимость «Люнанти» — группы, объединяющей прогрессивных кинорежиссеров, показывавших здесь кинофильмы «Лаос, спасенные кадры», созданный странным пером (и первым кинопартером) журналистом Мадлен Риффо.

Интересна история создания этого яркого репортажа из борьбы лаосского народа. Он был снят Мадлен с помощью двух лаосских операторов. Отважные журналистки и ее друзья проехали на советском «газели» тысячи километров по освоенным дорогам, на которых составляли две трети территории страны. Им приходилось ехать по местам, где раньше простирались пышные леса, а сегодня торчат лишь горные остовы деревьев: здесь амбаридские воздушные пираты «обрабатывали территорию» химическими веществами.

Театральный просмотровый зал на улице Бургон в Итальянских воротах в Париже. Гаснет свет, и на небольшом — чуть побольше мондиального — экране возникают первые спасенные кадры. Работающие на поляне, печатающие газеты и первые в истории Лаоса школьные учебники. Полевая больница, борьба народов против империализма, за мир.

В Енсенском лесу лента Мадлен Риффо получила путевку в жизнь. Сейчас по просьбе рабочих и студенческой молодежи она демонстрируется в местных организациях Французской коммунистической партии, на собраниях демократических профсоюзов, на митингах, на площадках арабских и китайских народов. Ее глубоко уходящим продуктом же являются национальные кинематографы, которые не боятся нападок и химических отравляющих веществ. Воевые, сурвейные будни бойцов Народно-освободитель-

ной армии Лаоса. На экране — жизнь народа, продолжающего свой созидательный труд, несмотря на то, что каждый день подводные американские снаряды снаряжают вражеские базы, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат посмотреть на меня, их привлекает, что я актриса. Вот, тогда-то я и получаю возможность говорить с народом о наших проблемах. Мы пытаемся разъяснить солдатам, что война против народов Вьетнама и Кам-

му, что я Джейн Фонда, я могу принести людям пользу. Я захожу в закуточные, расположенные у военных баз, где чаще всего можно встретить солдат. Узнав о моем приезде, люди спешат